

Виталий Шумило¹
VITALIY SHUMILO
[HTTPS://ORCID.ORG/0000-0003-2257-5422](https://orcid.org/0000-0003-2257-5422)

Rocznik Teologiczny
LXII – z. 1/2020
s. 109-126
DOI: 10.36124/rt.2020.06

Литературное и духовное наследие схиигумении Киевского Покровского монастыря Софии Гринёвой (1873–1941)

**Literaturne i duhovnoe nasledie shiigumenii Kievskogo
Pokrovskogo monastyriâ Sofii Grinëvoj (1873–1941)**

**Literary and Spiritual Legacy of the Abbess of the Kiev
Pokrovsky Monastery Sofia Grinyova (1873–1941)**

Ключевые слова: игуменья София, диакониса, поэтический альбом,
духовные стихи, катакомбная церковь

Key words: abbess Sophia, deaconess, poetic album, spiritual poems,
catacomb church

Резюме

Схиигуменья София Киевская (Гринёва) – один из выдающихся духовных и культурных деятелей первой половины XX века, настоятельница большого женского монастыря, организованного в традициях древнего служения диаконис. Поэтический альбом Софии Гринёвой дает возможность познакомиться с личностью игуменнии, ее мировоззренческими установками, обусловившими нестандартность ее монашеского служения, а также – с особенностями культурной эпохи.

Abstract

Schema-Abbess Sophia (Grineva) of Kiev was one of the outstanding spiritual and cultural leaders of the beginning of the XX century. She was the

¹ Vitalij Shumilo jest sekretarzem naukowym Centrum Studiów nad Historią Religii i Kościoła im. Łazarza Baranowicza Państwowego Uniwersytetu „Czernihowskie Kolegium” im. T.G. Szewczenki w Czernigowie.

Mother Superior of a huge convent, organized in keeping with the ancient tradition of deaconesses in the Church, and the type of services that they performed. Sophia Grineva's poetry album allows us to become acquainted with her personality and her world view, which led to such a unique type of monastic life, as well as with the specifics of the culture of her era.

Схиигуменья Киевского Покровского монастыря София (Гринёва) оставила нам один из удивительных письменных памятников начала прошлого столетия – свой поэтический альбом. Он представляет собой сборник стихов разных авторов, собранных под одной обложкой игуменией Софией и объединенных размышлениями о Боге. Это цельное большое произведение словесного искусства, составленное заботливым собирателем в традициях русских дворянских альбомов, которые велись дворянками как полудневник-полусборник автографов современных поэтов. Но настоящий альбом более приближён к дневнику, выраженному поэтически. Перелистывание этого альбома доставит читателю удовольствие тихого размеренно-молитвенного чтения и погружения в культуру конца XIX – начала XX века. Альбом является уникальным образцом этой, невозвратно ушедшей от нас, культуры.

София Евгеньевна Гринёва родилась в 1873 г. в Москве в семье юриста. Семья много раз переезжала, и когда Софии исполнилось семнадцать, Гринёвы жили в Киеве. София росла общительной, весёлой, очень одарённой и глубоко верующей девушкой. Она имела незаурядное музыкальное дарование, и профессора Киевской консерватории, в которой училась будущая игуменья, пророчили ей блестящую карьеру оперной певицы. Но получилось иначе.

Однажды после занятий София не побереглась, простудилась, опасно заболела и вследствие этого совершенно потеряла голос. Здоровье её быстро ухудшалось, опасались за её жизнь, даже пригласили к ней священника для последней исповеди, но наутро

София проснулась здоровой и с созревшим после исповеди решением уйти в монастырь.

Побывав в нескольких монастырях, желая найти тихую обитель, София и несколько её духовных сестёр поселились возле одной запущенной церкви в Калужской области. Они основали там обитель в честь находившейся в церкви иконы Богородицы «Отрада и Утешение». Многих трудов стоила Софии, ставшей юной настоятельницей этой обители, восстановить полуразрушенный монастырь, собрать сестёр и наладить иноческую жизнь. София во всём проявила себя как талантливая руководительница, и в 1913 г. Софию, неожиданно для неё, назначили настоятельницей большого общежительного Покровского монастыря в Киеве (Koncevič 1976, 12–24).

Знаменательно, что к моменту назначения она не только не имела игуменского сана, но даже не имела монашеского пострига, а обитель, которую она возглавляла, не имела статуса монастыря. Иными словами, на игуменское место одного из самых больших монастырей империи, который лично опекался великокняжеской семьёй, была выбрана никому не известная инокиня из маленькой, никому не известной обители, и лишь личные качества Софии (Гринёвой) повлияли на такой выбор: киевский митрополит Флавиан (Городецкий, 1841–1915), несколько раз встречавшийся с матерью Софией в Москве и Петербурге, отметил её как прекрасного администратора и высоко духовного человека.

Покровский монастырь являлся одним из крупнейших в Российской империи. Его основательницей была Великая княгиня Александра Петровна, в инокинях Анастасия. Она устроила при обители целый комплекс благотворительных учреждений: больницу с домовою церковью, церковноприходскую школу для девочек, приют для сирот и бедных детей, приют для слепых

и неизлечимых больных, бесплатную амбулаторную лечебницу, аптеку с бесплатной выдачей лекарств, странноприимную.

Великокняжеская семья уделяла много внимания монастырю и нередко сюда приезжала. И этим монастырем должна была управлять молодая, энергичная, но чрезвычайно горящая о своей маленькой обители игуменья София.

На долю молодой игуменнии выпали самые тяжёлые годы в жизни обители. Вскоре началась I Мировая война, и незамедлительно монастырские больницы были преобразованы в лазарет для больных и раненых. После Февральской революции, отречения от престола императора Николая II и октябрьского переворота произошло крушение всех устоев монастырской жизни.

Предположительно в это время, до 1930 г., игуменья София приняла постриг в великую схиму, но, к сожалению, точную дату пострига пока не удаётся восстановить.

В 1923 г., когда в Киеве прочно утвердилась советская власть, Покровский монастырь был передан обновленцам, а игуменья София – «уволена от исполнения обязанностей» (*Avtobiohrafiiâ shiigumenii...*, 18–22) настоятельницы монастыря. После этого игуменья София, духовник обители протоиерей Димитрий Иванов и часть сестёр Покровского монастыря переехали в село Ирпень под Киевом (Консевіч 1976, 23), где обитель тайно просуществовала до 1937 г.

Когда в 1927 г. митрополит Сергей (Страгородский) обнародовал Декларацию о лояльности Православной Церкви советской власти, многие архиереи, священники, монашествующие и миряне отказались признать её. В Русской Церкви произошло разделение на «сергиан», подписавших Декларацию, и «иосифлян», последовавших за Петроградским митрополитом Иосифом (Петровых), не подписавшим Декларации и возглавившим духовную оппозицию. Начались гонения на иосифлян, которым пришлось уйти в церковное подполье.

Схиигуменья София и часть монахинь Покровского монастыря, близких к ней, примкнули к иосифлянам и с тех пор вынуждены были скрываться и служить тайно (Škarovskij 2011, 211).

Схиигуменья София приобрела себе дачу вблизи Киева в дачном месте Ирпень, там устроила церковь и при ней находились сёстры и о. Димитрий Иванов (Koncevič 1976, 25). Катакомбная община в Ирпене просуществовала несколько лет: днём дача имела вид обычного загородного дома, а ночью центральный зал превращался в храм, в котором совершалось богослужение. Настоятелем тайного храма был отец Димитрий, поселившийся там же со своей семьей.

Первый раз схиигуменья София была арестована еще в 1924 г. – на шесть недель (*Avtobiografiâ shiigumenii...*, 18–22). Настоятель храма в Покровском монастыре отец Димитрий Иванов разделил с ней горькую участь и также отбывал заключение.

В тюрьме мать София тяжело заболела и была отправлена для выздоровления в с. Ирпень. После 1927 г., когда начались гонения на «иосифлян», схиигуменья, скрываясь от нового ареста, взяла себе чужой паспорт и без прописки поселилась в Ирпене по улице Толстовская, 10, у прихожанки Ирпеньской катакомбной общины Елены Бабенко. Здесь схиигуменья София прожила до 1931 г., ежедневно опасаясь нового ареста. «Иосифляне» не посещали открытых «сергианских» храмов, молились по домам и старались поддерживать общение между собой. В доме на Толстовской улице, где жила мать София, совершались тайные ночные богослужения, собирались верующие для бесед с матушкой, сюда приезжали многие гонимые священники и монахи, миряне, не признавшие Декларацию митрополита Сергия (Страгородского), здесь они окармлились и имели возможность причаститься Христовых Таин, как вспоминает об этом Елена Юрьевна Концевич (Koncevič 1976, 35).

В 1931 г. накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы схиигуменью Софию арестовали в последний раз. Это случилось

в Ирпене в доме Елены Бабенко. Софии Гринёвой предъявили обвинение в контрреволюционной деятельности. На допросе схиигуменья София отвергла это обвинение, но подчеркнула, что «на коммунистическое течение» смотрит «как на течение антихристианское, которое враждебно христианским идеям» (*Avtobiohrafîâ shiigumenii...*, 36).

Преподобноисповедницу первоначально приговорили к высылке в Казахстан, но потом смягчили наказание, разрешив ей жить в центральной части России, однако запретив проживание в Украине и в столичных городах (*Avtobiohrafîâ shiigumenii...*, 43). До 1933 г. схиигуменья София жила в Путивле, лишённая общения со своими сподвижниками. Она многократно писала письма в Государственное политическое управление (ГПУ) с просьбой разрешить ей вернуться на прежнее место жительства (*Avtobiohrafîâ shiigumenii...*, 46). Письма оставались без ответа. В досрочном освобождении из высылки схиигумении отказали.

Ирпеньская община просуществовала без матери Софии ещё несколько лет, окормляемая в разное время разными священниками. Но как бы потаённо они ни жили, в 1937 г. община была раскрыта.

В 1933 г. схиигуменья София выехала в ссылку в село Покров Ростовского (ныне Жуковского) района Московской (ныне – Калужской) области. Здесь преподобноисповедница преставилась в 1941 г., на 69-м году жизни. В последние свои минуты на земле мать София, как и всегда, была окружена любящими её людьми. Русская Зарубежная Церковь в 1981 г. причислила схиигумению Софию (Гринёву) к лику Святых Новомучеников и Исповедников Российских, в Украинской Православной Церкви Московского патриархата канонизация преподобноисповедницы Софии произошла 21 сентября 2012 г.

Мать София оставила потомкам свой архив. В 1931 г. она, опасаясь новых арестов, передала его одному из прихожан

катакомбного Ирпеньского храма, семнадцатилетнему юноше, своему послушнику Михаилу Нечитайленко, будущему священнику Катакомбной Церкви. Михаил Данилович, после ареста и ссылки схиигумении Софии, поддерживал с нею связь по переписке. Можно предположить, что альбом был для игумении постоянным спутником, и она очень дорожила им; недаром, опасаясь ареста, позаботилась о его сохранности.

В 1998 г. В. В. Шумило, собирая материалы о приходах Катакомбной Церкви в Украине, обнаружил в бумагах Михаила Даниловича этот альбом, после чего началось изучение рукописи и подготовка её к публикации.

Альбом писался приблизительно с 1904 по 1911–13 гг. Начиная записи, схиигуменья София сделала указание: «Несколько стихотворений, написанных мною в 1902-м, 1903-м, 1904-м годах». Первые страницы, таким образом, – это ретроспективная запись написанных ранее произведений. О том, что альбом был начат именно в 1904 г., может свидетельствовать выгравированный на обложке год: «1904». Очевидно, поначалу матушка не собиралась записывать сюда чужие стихи: на первых страницах помещены только её оригинальные произведения. Затем более размашистым почерком, то есть быстро, сделаны записи чужих стихотворений. Именно в этот момент авторский поэтический сборник превращается в традиционный альбом XIX в., в который заносится всё интересующее, и свое, и чужое. Сложно установить точные даты написания тех или иных стихотворений, большей частью схиигуменья София не подписывает их. Рассчитанный на личное пользование, альбом не нуждался в таких условностях, как датировка. Приблизительно с 1910 г. автор начинает датировать свои стихи и, более того, тщательно подписывает авторов, а под своими стихотворениями ставит собственную подпись. Круг авторов, чьи стихи появляются в альбоме, к 1911 г. становится

очень широким, и мать София сама чувствует необходимость оригинальные стихи подписывать и датировать.

Тем не менее, вопрос об авторстве некоторых стихотворений остаётся открытым. Неоднократно в альбоме встречаются стихотворения, которые никак не подписаны, но на самом деле являются произведениями малоизвестных авторов XIX–XX вв. Среди друзей игумении Софии были поэтически одаренные люди, стихи которых она записывала в альбом. Имена этих людей не всегда удаётся восстановить, поэтому при публикации стихов мы лишь предположительно некоторые произведения указываем как сочиненные преподобноисповедницей Софией.

Перелистывая поэтический альбом схиигумении Софии, с самой первой его страницы, с эпитафия, читатель ловит себя на странном ощущении и вдруг начинают всплывать в памяти стихи известных русских поэтов. Читая эпитафия – вспоминается М. Ю. Лермонтов. Эпитафия к альбому звучит так²:

*Так я прошу Твоей любви
С слезами жаркими, с мольбою
Так чувства лучшие мои
Я изливаю пред Тобою.*

Это четверостишие очень близко к последней строфе известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нищий»:

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От жажды, жажды и страданья.*

*Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

² Все приведённые сочинения схиигумении Софии цитируются по единственной дошедшей до нас рукописи.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою! (Lermontov 1935, 142)

Стихотворение М. Ю. Лермонтова посвящено девушке, отвергшей любовь лирического героя. Для описания внутреннего состояния героя поэт использует сюжет из Евангельской проповеди – камень, данный вместо просимого хлеба: «Котораго же вас отца воспросит сын хлеба, еда камень подаст ему?» (Мф 11, 11). Лермонтовский герой как бы отвечает на этот риторический вопрос: да, нашёлся такой человек, который дал камень вместо хлеба, – это моя возлюбленная. Пылкий юношеский ум не скупится на сравнения.

Схиигуменья София берёт за основу своего эпитафия последнее четверостишие лермонтовского произведения и переделывает в нём одну – последнюю – строчку: «Обмануты навек тобою» – «Я изливаю пред Тобою». Кроме того, она вносит ещё одну едва заметную поправку: пишет слово «Ты» с заглавной буквы. В итоге стихотворение становится обращённым к Богу, меняет свой смысл. Матушка София как бы прочитывает дальше евангельский подтекст: «Аще убо вы зли суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него?» (Мф 11, 13). Схиигуменья словно говорит: люди бывают отвергнуты, подобно лермонтовскому герою, потому что не у того просят. Нужно просить у Того, Кто всегда любит и не отвергает никогда. Эта мысль прочитывается в эпитафии благодаря двум возникающим за ним подтекстам: лермонтовскому и Евангельскому. Она становится основной идеей всего поэтического альбома: все самые лучшие, чистые чувства человеческого сердца здесь посвящены Богу и никогда не бывают отвергнуты Его любовью.

Таких стихотворных уподоблений и переделок в альбоме очень много, именно из-за них возникает странное ощущение постоянного припоминания чужих стихов, своеобразного просвечивания через одно произведение – другого.

Ярким примером этого «просвечивания» может служить стихотворение, адресованное Всеволоду Александровичу Верховцеву. Верховцевы, глава семьи которых был устройтелем знаменитой Екатеринбургской железной дороги, были очень набожны и особенно почитали Покровский Киевский монастырь, где и заповедал себя похоронить Александр Аполлонович Верховцев, отец Всеволода. Знакомство же с игуменией Софией продолжалось ещё со времен её пребывания в обители «Отрада и Утешение». Стихотворение, адресованное Всеволоду Александровичу, очень коротко и является почти дословным воспроизведением нескольких строк А. Н. Апухтина. У матери Софии оно звучит так:

*Скажи, когда из вражеского стана
Ты убежишь, израненный боец,
Из власти тьмы прельстившего обмана
Полуживой спасёшься, наконец?
В твоей груди ни злобы нет, ни лицемерья
На труд любви и жертвы ты готов...
Обитель Чистого, святого Утешенья,
Прими разбитого под свой Смиранный Кров!*

По сравнению с апухтинскими строками изменения здесь очень невелики. У Апухтина в поэме «Год в монастыре» читаем:

*О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана
Полуживой я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мищенья,
На подвиги и жертвы я готов...*

*Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров! (Апухтин 1896, 2)*

Игуменья София совсем иначе воспринимает монастырь, нежели А. Н. Апухтин, для неё это не «Обитель мира, смерти и забвенья», а «Обитель чистого, святого утешенья». У преподобноисповедницы был совсем не тот опыт знакомства с монастырем, что у лирического героя Апухтина, и всё же сходство с апухтинским произведением настолько сильное, что, думается, в этом есть свой смысл. Читая такое произведение, В. А. Верховцев, его адресат, не мог не вспомнить содержание поэмы Апухтина.

Поэма написана в виде дневника молодого человека, который вдруг, ничего не сказав родным, пришёл в монастырь и ревностно взялся за послушания. На первых порах он воодушевлён, весел и искренне радуется монастырским распорядкам и общению со святыми старцами. Но через некоторое время выясняется, что не святые побуждения подвигли его оставить мир, а сложные взаимоотношения с любимой женщиной. Мысли об этом все сильнее овладевают умом несчастного послушника, и через год, накануне своего пострига, он получает письмо от этой женщины и решает позорно бежать из монастыря. Совесть останавливает его, но теперь уже монастырь кажется ему какой-то жуткой карой, мертвенным склепом, в котором он будет обречён доживать свои дни, не живой и не мёртвый. Автор хорошо описывает помутнённое страстное состояние героя, его душевные муки, страдания от неверия. Они кажутся ещё страшнее оттого, что несколькими строками выше герой был упоён чистотой монастырской жизни и восхищался своей новой обителью.

Эта печальная история из модной в то время поэмы Апухтина должна была живо припомниться Всеволоду Александровичу, когда он получил стихотворение. Оно призывало молодого человека вернуться в Церковь, от которой он отпал в юношеские годы и теперь мучается, как герой апухтинской поэмы. История Всеволода Александровича очень трогательна и знаменательна для раскрытия характера преподобной Софии.

Всеволод Александрович рос благочестивым и очень весёлым человеком. В юношестве общение с высшим светом, увлечение «передовыми» идеями и начало стремительной карьеры совершили переворот в душе Всеволода. Он стал исповедовать атеизм, порвал отношения с глубоко верующей матерью и постепенно превратился в замкнутого, душевно страдающего и, наконец, нервно больного человека. Его мать, тяжело переживая отпадение сына, однажды решила вместе с дочерью провести зиму в обители «Отрада и Утешение». В это самое время приехавший домой Всеволод Александрович никого не застал и был вынужден для встречи с родными поехать в монастырь. Там он познакомился с игуменией Софией. Последняя, узнав историю Всеволода и увидев на его лице отображение тяжелых душевных переживаний, очень жалела молодого человека и горячо молилась о его обращении. Молились об этом и все сёстры обители, которые со временем также узнали о его душевной трагедии и успели полюбить его за порядочность и доброту. У матушки Софии даже стояла на столе фотография Всеволода Александровича, которую ей подарила его мать для усугубления молитв о сыне. Однажды, призвав Всеволода к себе в келью, игуменья при нем приложила губами к его фотографии и после этого просила исполнить одну её просьбу. Всеволод, умиленный таким поступком матушки, сразу же согласился. Тогда игуменья просила его на всенощной приложиться к святому образу преподобного Серафима Саровского так же, как она сейчас приложила к его фотографии. Всеволод был расстроен этой просьбой, но отказать не смог. Во время всенощной весь храм был свидетелем его глубочайшей внутренней борьбы, с которой он то подходил к иконе, то в неуверенности отступал. На его лице отражались сильнейшие муки совести, внутренняя борьба была очень велика, и все с замиранием сердца ждали и надеялись на благополучный исход этой борьбы. И всё же он перекрестился и приложился к образу. С этого момента началось его медленное

возвращение в Церковь. Со временем он стал послушником в одном из мужских монастырей и скончался очень рано, в возрасте 35-ти лет, завершив свой жизненный путь благочестиво (Verhovseva 1998, 102–106).

Стихи матушки Софии просты и бесхитростны, мы не найдём в них каких-то особенных изысков словесного искусства, столь популярных в поэтической среде начала XX в. Мы не найдём в них и того бережного отношения к авторскому праву, к точности написания и воспроизведения, которые характерны для людей, профессионально занимающихся поэзией. Очевидно, поэзия преподобноисповедницы далека от притязаний на то, чтобы «сказать своё слово в искусстве», стихи для матушки – это способ размышлений, образ написания писем и изящных посланий друзьям, тип дневниковых записей. Именно поэтому авторское право в поэтическом альбоме не играет никакой роли: стихи переделываются, заимствуются у других поэтов, редактируются, переадресовываются, получают новое название. Автор может быть не всегда подписан под стихотворением. Но именно этот способ «свободного стихотворного мышления» составляет особую прелесть альбома, делает его законченным поэтическим произведением во всей полноте мирового литературного опыта, к которому прибегает схиигуменья София.

Отдельно стоит сказать о тех стихах в альбоме, которые не принадлежат схиигумении Софии и не переделывались ею, а просто были переписаны в альбом по памяти или с листа. Таких стихов очень много. Особенно во второй части альбома, когда он перестаёт быть ретроспективным и становится своеобразным поэтическим дневником матушки. Среди поэтов, стихи которых переписывает преподобная, встречаются Михаил Юрьевич Лермонтов, Яков Петрович Полонский, Алексей Константинович Толстой, Алексей Степанович Хомяков, Константин Константинович Романов, малоизвестные современному читателю

духовные поэты конца XIX – начала XX в. Елена Федотова, Константин Фофанов, Виктор Жуков и многие другие. Обращение к стихам великих русских поэтов свидетельствует о хорошей интеллектуальной и эстетической образованности матушки и вполне сочетается с её биографией: из аристократической семьи, студентка консерватории, подававшая большие надежды. Гораздо удивительнее тот факт, что в альбоме неоднократно встречаются те поэты, которые во времена монашества и игуменства преподобной только начинали становиться популярными, едва успевали напечатать свои первые стихи в литературных журналах. В начале XX в. восходит на пик своей славы В. С. Соловьёв, становится популярным Д. С. Мережковский, печатает свои первые произведения Т. Л. Щепкина-Куперник. Иными словами, уже будучи монахиней и игуменией, матушка София продолжала интересоваться живым литературным процессом, читала популярные литературные журналы, общалась с пишущими людьми (давала им альбом для автографа). Так, в альбоме помещены стихи, которые в начале века печатались в журнале *Нива*, газете *Утро России* и в других изданиях. В альбоме переписан ранний вариант стихотворения *Слова* Поликсены Соловьёвой, которого нет в доступных печатных изданиях, поскольку автор в другие сборники давал сокращённую редакцию произведения. Нужно было жить в русле своей поэтической эпохи, чтобы стать обладательницей ранней редакции стихотворения знаменитого автора, какой тогда становилась П. С. Соловьёва. Таким образом, перед нами вырисовывается замечательный портрет преподобноисповедницы: активной, энергичной, нежной, любящей, непрестанно молящейся, заботливой и дорожающей своими близкими.

Может быть, этот образ не вполне сочетается с классическими представлениями о монашеском аскетическом житии, о смиренном и самоуглубленном молчании, о неспешности упразднившегося от мира инок. Это ощущение некоторого несоответствия

ригористическим представлениям об иночестве и тем, какую мы видим схиигумению Софию, не случайно.

Действительно, к началу XX в. в Русской Православной Церкви сформировался некий новый тип монастырей, который, если бы не случилось революции, мы могли бы со временем увидеть во всём блеске. Сейчас же можно лишь констатировать, что к рубежу эпох монашество, особенно женское, вышло в Российской империи на новый этап развития. Монастыри прекратили быть сугубо отшельническими аскетическими заведениями для молитвенников и нестяжателей, обители начали нести активное социальное и миссионерское служение, живо участвовать в жизни своего народа. Самым ярким примером такого служения может быть знаменитая Марфо-Мариинская обитель Великой княгини Елизаветы Федоровны, жены Великого князя Сергея Александровича. При обители основательница устроила приют для бездомных, лечебницу, лазарет, курсы для девочек. Обитель занималась тем, что подбирала на улицах бездомных детей. Иначе говоря, была организована деятельная христианская помощь всем несчастным и обездоленным, требовавшая от основательницы огромного физического и душевного труда. Великая княгиня, ощущая некоторую новизну, привнесённую ею в монашеское устройство обители, заботилась о возрождении древнего чина диаконис, который наиболее соответствовал такому активному образу жизни и общения с миром.

Елизавета Федоровна была в этом не одинока: целая волна подобных преобразований охватила тогда русскую монастырскую жизнь. При монастырях создавались дома трудолюбия (вспомним опыт отца Иоанна Кронштадтского), лазареты, школы для сирот. Чаще всего это касалось именно женских монастырей, и чин диаконисы действительно стал необходимостью для них. О возрождении этого чина заботилась еще одна молодая и деятельная игуменья – преподобная Екатерина Леснинская

(графиня Ефимовская) (прославлена во святых Зарубежной Церковью). Она также при монастыре создала приют для сирот, организовывала детские праздники, ввела в традицию монастыря заботу об обездоленных детях. В 1909 г. в Сергиевом Посаде вышла работа игумении Екатерины Леснинской *Диаконисы первых веков Христианства* (Р. Е. 1909). Игуменья Екатерина посвятила работу одной главной идее: чин диаконис необходим нынешнему обществу, он превосходит собой монашеский подвиг и является более высокой степенью совершенства. Автор довольно резко критикует монастыри тогдашней России за их бездействие, необразованность руководства и насельниц. Игуменья Екатерина писала:

Россия, дорогая великая Россия (...) неужели в чадолюбивом лоне твоём не окажется ни одной истинно-православной дочери наподобие тех, которых нам уже подарила Церковь {имеются в виду диаконисы первых веков христианства – автор} (...) Нет, много их, (...) знают они, что наступили решительные времена, что теперь, может быть, так же, как и тогда, нужны мироносицы, нужны диаконисы (Р.Е. 1909, 49).

Сама игуменья Екатерина создавала свой монастырь именно как древнюю обитель диаконис, по образу деятельности и социальной активности.

По тому же типу выстраивала обитель и Великая княгиня Анастасия (Романова) Киевская. Она явилась инициатором создания в Покровском монастыре лечебницы, которая вскоре стала одной из лучших в тогдашней Российской империи, приюта и прочих богоугодных заведений. Схиигуменья София продолжила это дело, активно трудясь над образованием девочек из приюта (они заканчивали земледельческую школу при монастыре), оборудованию больницы по последнему слову медицинской техники. Деятельный подвиг помощи всем нуждающимся стал стержнем монастырской жизни.

Всех названных святых: преподобномученицу Елизавету, игумению Екатерину Леснинскую, Анастасию Киевскую и преподобноисповедницу Софию – объединяет несколько общих черт. Это аристократическое происхождение, прекрасное интеллектуальное и эстетическое воспитание, тяга к красоте природы и слова, забота об обездоленных, особенно же о детях, и активная, деятельная монастырская жизнь. Поясняя суть жизненного принципа диаконисы, Екатерина Леснинская писала:

Монашество для диаконисы было первым условием, необходимым для посвящения в этот сан. Вторым условием было известное образование, известные познания, без которых она, при всём желании, не могла бы не только нести налагаемых на неё рукоположением многочисленных обязанностей, но не сумела бы и приступить к ним {очевидно, игуменья Екатерина имеет в виду обязанность диаконисы проповедовать и воспитывать и обучать детей – автор} Третьим условием была полная невозможность вести обособленную, затворническую жизнь, в силу этих же обязанностей. (Р. Е. 1909, 49)

Работа игумении Екатерины, разошедшаяся по Российской империи большим тиражом, новые *деятельные* обители – Марфо-Мариинская, Леснинская, Покровский монастырь, Трудовой дом Иоанна Кронштадского – готовили определённый переворот в жизни русского монашества, который, может быть, оказал бы значительное влияние на русскую культуру. Новый тип женского монашества лишь начинал расцветать в начале XX в. и, не успев достигнуть вершины – возродить чин диаконис³, войти в традицию Русской Церкви – он погиб из-за политических катаклизмов.

³ Номинально проект о возрождении чина диаконис был одобрен Святейшим Синодом Российской Церкви в 1908 г. и рассматривался на Всероссийском Поместном Соборе 1918 г., но по политическим причинам указ о возрождении чина не был приведён в исполнение. Исключением стала Марфо-Мариинская обитель, проведшая в жизнь служение диаконис, иногда даже без монашеского пострига, ещё до решения Синода.

Вместе с монастырской традицией погиб и тот пласт культуры, отголоском которого является альбом преподобноисповедницы Софии.

Библиография

- Апухтин, Алексiej Nikolajevič. 1896. *Sočinenija*. Moskva: Tip. A. S. Suvoryna.
- Avtobiohrafijâ shiigumenii Sofii (Grynëovoj)*. Centralnyi gosudarstvennyi arhiv graždanskykh ob'edynenyi Ukrainy. Fond 263, Opys 1, Delo 460.
- Koncevič, Elena Ūrievna. 1976. *Shihumeniâ Sofiâ Nastoâtelnica Pokrovskoĥo Monastyrà v Kieve*. Forestville: Sviato-Ilinskoie izdanie.
- Lermontov, Miahil Ūrievič. 1935-1937. *Polnoe sobranie sočinenij v 5 tomah*. T. 1: 1828-1835. Moskva/Leningrad: Akademiâ.
- P. E. (Poslušnica Ekaterina). 1909. *Diakonisy pervykh vekov khristianstva*. Siergiej Posad: Tipografiâ Svâto-Troickoj Serhievoj Lavry.
- Škarovskij, Michail Viktorovič. 2011. „Iosiflânskoe dviženie v Kieve v pervoj polovine 1930-kh godov: svâšennik Dimitrij Špakovskij i episkop Damaskin (Cedrik).” *Trudy Kivskoi Dukhovnoi Akademii* 14: 204–222.
- Verhovceva, Nataliâ Aleksandrovna. 1998. „Miloserdie Božie. Vospominaniâ.” *Danilovskij blahovestnik* 9: 102–106.

CHRZEŚCIJAŃSKA AKADEMIA TEOLOGICZNA
w WARSZAWIE

Rok LXII

Zeszyt 1

ROCZNIK TEOLOGICZNY

WARSZAWA 2020

REDAGUJE KOLEGIUM

dr hab. Jakub Sławik, prof. ChAT – redaktor naczelny

dr hab. Jerzy Ostapczuk, prof. ChAT – zastępca redaktora naczelnego

prof. dr hab. Tadeusz J. Zieliński

dr hab. Borys Przedpełski, prof. ChAT

dr hab. Jerzy Sojka, prof. ChAT – sekretarz redakcji

MIĘDZYNARODOWA RADA NAUKOWA

JE metropolita prof. dr hab. Sawa (Michał Hrycuniak), ChAT

bp prof. dr hab. Wiktor Wysoczański, ChAT

abp prof. dr hab. Jerzy Pańkowski, ChAT

prof. dr hab. Atanolij Aleksiejew, Państwowy Uniwersytet w Petersburgu

prof. dr Marcello Garzaniti, Uniwersytet we Florencji

prof. dr hab. Michael Meyer-Blanck, Uniwersytet w Bonn

prof. dr hab. Antoni Mironowicz, Uniwersytet w Białymstoku

prof. dr hab. Wiesław Przyczyna, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie

prof. dr hab. Eugeniusz Sakowicz, Uniwersytet Kardynała Stefana Wyszyńskiego
w Warszawie

prof. dr hab. Tadeusz Stegner, Uniwersytet Gdański

prof. dr Urs von Arx, Uniwersytet w Bernie

prof. dr hab. Piotr Wilczek, Uniwersytet Warszawski

Skład komputerowy – Jerzy Sojka

W związku z wprowadzaniem równoległej publikacji czasopisma w wersji papierowej i elektronicznej Redakcja „Rocznika Teologicznego” informuje, iż wersją pierwotną jest wersja papierowa.

BWHEBB, BWHEBL, BWTRANSH [Hebrew]; BWGRKL, BWGRKN, and BWGRKI [Greek]

PostScript® Type 1 and TrueType fonts Copyright ©1994-2013 BibleWorks, LLC.

All rights reserved. These Biblical Greek and Hebrew fonts are used with permission and are from BibleWorks (www.bibleworks.com)

ISSN 0239-2550

Wydano nakładem

Wydawnictwa Naukowego ChAT

ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa, tel. +48 22 635-68-55

Nakład: 100 egz., objętość ark. wyd.: 14,5

Druk: druk-24h.com.pl

ul. Zwycięstwa 10,

15-703 Białystok

SPIS TREŚCI

ARTYKUŁY

ŁUKASZ NIESIOŁOWSKI-SPANÒ, <i>Tożsamości Judejczyków okresu Drugiej Świątyni i relacje z obcymi</i>	7
АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ СИЗИКОВ, <i>Пролог Книги Иисуса сына Сирахова в русском переводе</i>	25
JERZY OSTAPCZUK, <i>Nieznana karta bośniackiej Ewangelii tetr – Dion-122, XIV w.</i>	39
РОСТИСЛАВ ЯРЕМА, <i>Культурно-историческая значимость храма Живоначальной Троицы при бывшем Городском сиротском приюте им. Бахрушиных в Сокольниках</i>	69
EWA DUSIK-KRUPA, <i>Uniwersalizm kanonów synodu w Gangrze (340 r.)</i>	87
ВИТАЛИЙ ШУМИЛО, <i>Литературное и духовное наследие схиигуменни Киевского Покровского монастыря Софии Гринёвой (1873–1941)</i>	109
LESZEK JAŃCZUK, <i>Plan operacyjny częściowej likwidacji tzw. sekt w Polsce w 1949 roku</i>	127
DOROTA BRYLLA, <i>O komunii stworzeń i dobrostanie zwierząt ad vocem Roku troski o stworzenie i Roku pokoju</i>	145
DAMIAN DOROCKI, <i>Czy w doktrynie Kościoła Adwentystów Dnia Siódmego jest miejsce dla klasycznego teizmu?</i>	177
ANDRZEJ SIEMIENIEWSKI, <i>Pentekostalizm: pobożność ubogich tego świata?</i>	211
MIROSLAW TOPOLSKI, <i>Pentekostalizacja – szansa czy zagrożenie pastoralne?</i>	229
AGNIESZKA ZAMARIAN, <i>Wzorzec śmierci odwróconej. Aspekty pastoralne</i>	261
JOANNA LEWCZUK, ANNA ANYŻEWSKA, <i>Kształtowanie wartości zdrowia bazą poszanowania życia ludzkiego i zobowiązaniem etycznym współczesnych rodzin</i>	283
Wykaz autorów	317

Contents

ARTICLES

ŁUKASZ NIESIOŁOWSKI-SPANÒ, <i>Judean Identity in the Second Temple Period and Relations with Others</i>	7
ALEKSANDR VLADIMIROVIČ SIZIKOV, <i>The Prologue to Ben Sirach in Russian Translation</i>	25
JERZY OSTAPCZUK, <i>Unknown leaf from Bosnian Tetraevangelion – Dion-122, XIV c.</i>	39
ROSTISLAV ÂREMA, <i>The Cultural and Historical Significance of the Church of the Life-Giving Trinity at the former Bakhrushin City Orphanage in Sokolniki</i>	69
EWA DUSIK-KRUPA, <i>Universalism of canons from the Synod of Gangra (year 340)</i>	87
VITALIY SHUMILO, <i>Literary and Spiritual Legacy of the Abbess of the Kiev Pokrovsky Monastery Sofia Grinyova (1873–1941)</i>	109
LESZEK JAŃCZUK, <i>The Operational Plan for the Partial Liquidation of the So-called Sects in 1949 in Poland</i>	127
DOROTA BRYLLA, <i>On the Communion of All Creatures and the Animal Welfare ad vocem the Year of Concern for Creation and the Year of Peace</i>	145
DAMIAN DOROCCI, <i>Is there a Place for Classical Theism in the Doctrine of the Seventh-Day Adventist Church?</i>	177
ANDRZEJ SIEMIENIEWSKI, <i>Pentecostalism: spirituality for the poor of this world?</i>	211
MIROSLAW TOPOLSKI, <i>Pentecostalisation – an opportunity or a pastoral threat?</i>	229
AGNIESZKA ZAMARIAN, <i>The Forbidden Death Model: its Pastoral Aspects</i>	261
JOANNA LEWCZUK, ANNA ANYŻEWSKA, <i>Shaping the Values of Health as the Basis of the Respect for Life and the Ethical Obligation of a Modern Family</i>	283
List of authors	317

Wykaz autorów

Łukasz Niesiołowski-Spanò, l.niesiolowski-spano@uw.edu.pl, Zakład Historii Starożytnej, Instytut Historii Uniwersytetu Warszawskiego, Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa

Jerzy Ostapczuk, jostap@wp.pl, Chrześcijańska Akademia Teologiczna w Warszawie, ul. Broniewskiego 48, 01-771 Warszawa

Aleksandr Vladimirovič Sizikov, a.sizikov@spbu.ru, Кафедра Библистики, Санкт-Петербургский Государственный Университет, Университетская набережная 11, Санкт-Петербург, 199034

Rostislav Ārema, prot.rostislav@gmail.com, 129626 Москва, 1-й Рижский переулок, д.2, стр.7, храм Живоначальной Троицы

Ewa Dusik-Krupa, ewadusik@gmail.com. Uniwersytet Jana Pawła II w Krakowie, ul. Kanonicza 9, 31-002 Kraków

Vitaliy Shumilo, veraizhizn@gmail.com 14000 Чернигов, проспект Мира, 13, ком. 106; Центр исследования истории религии и Церкви им. архиеп. Лазаря (Барановича); Национальный университет "Черниговский коллегіум" им. Т.Г. Шевченко

Leszek Jańczuk, lesjanc11@gmail.com, Wyższa Szkoła Teologiczno-Społeczna, ul. Wyborna 20, 03-681 Warszawa

Dorota Izabela Brylla, Uniwersytet Zielonogórski, Wydział Humanistyczny, Instytut Filozofii, al. Wojska Polskiego 71A, 65-762 Zielona Góra

Damian Dorocki, dymek34@poczta.onet.pl, ul. Jurija Gagarina 37, 87-100 Toruń

Andrzej Siemieniewski, siema@pwt.wroc.pl, Papieski Wydział Teologiczny we Wrocławiu, ul. Katedralna 9, 50-328 Wrocław

Mirosław Topolski, topolski@tlen.pl, ul. Pułaskiego 1/3 m. 14, 42-217
Częstochowa

Agnieszka Zamarian, aszewczak@aps.edu.pl, Akademia Pedagogiki
Specjalnej im. Marii Grzegorzewskiej w Warszawie, ul. Szczęśli-
wicka 40, 02-353 Warszawa

Joanna Lewczuk, j.lewczuk@chat.edu.pl, Chrześcijańska Akademia
Teologiczna w Warszawie, ul. Broniewskiego 48, 01-947 Warszawa

Anna Anyżewska, anna.anyzewska@wihe.pl, Wojskowy Instytut Higie-
ny i Epidemiologii w Warszawie, ul. Kozielska 4, 01-163 Warszawa